

Виктория ШАРПАК

ПОЛУОСТРОВ КРЫМ СЛЕДЫ НА ВЕТРУ

Продолжение серии зарисовок в жанре путешественника под условным названием «Неизвестный Крым». Начало в газете «Литературные известия», № 11, 2012, продолжение в альманахах «Словесность 2013», книги 7, 8, «Словесность 2014»

Есть несколько версий о происхождении названия города Алушта. Согласно первой версии название происходит от арийского слова «Салуста, сол-уста», что в переводе означает «поток, устье». Это могло быть связано с рекой Уду-Узень (с тюркского – «большая» или «великая» река), которая протекает по территории города.

Иногда название города связывают с греческим словом «алустос» – «неумытая», «нельзя купаться». Греческое происхождение название может быть связано с древним периодом колонизации, когда Чёрное море (Понт Аксинский) считалось негостеприимным, опасным.

Здесь действительно зимой бывают сильные ветры, несущие облака и дожди с Чатыр-дага и Демерджи. Кто здесь бытовал? Тут бытовали писатели: Иван Шмелёв, написавший замечательную книгу «Солнце мёртвых», С.Н. Сергеев-Ценский, лауреат Сталинской премии. Их

музей и памятные таблички, как указатели, сохранены в Алуште, но нас интересуют следы, которые не обозначены в путеводителях.

10 октября 1894 года на даче «Голубка» (ныне — Городская Библиотека) великий князь, наследник престола Николай Александрович, впервые увидел и встретился со своей невестой — принцессой Алисой Гессен-Дармштадтской, будущей супругой и Императрицей Александрой Федоровной. В августе 1917 года, когда в Алушту приезжал Мандельштам, там уже существовало Общество «Умных людей», «крымских затворников», которые пережидали в Крыму тяжелые голодные революционные времена. Голод отчетливо ощущался уже и в Крыму. В. А. Судейкина, рассказывая о визите поэта, писала в своих воспоминаниях, что угостить его хозяева могли «только чаем и медом», не было даже хлеба. Одновременно как когда-то Одиссей, «крымские затворники» надеются найти в Тавриде разгадку своего будущего. Герою Троянской войны это, как известно, удалось: он перед находившимся здесь входом в царство Аида принесет жертвы подземным богам и сможет узнать у явившегося ему прорицателя Тиресия, что его ждет. Стихотворение заканчивается рассказом о возвращении Одиссея домой. Будущее же «крымских затворников» пока скрыто в неизвестности.

Никто не укрылся от сабли истории: ни семья Николая II, ни Мандельштам, ни Судейкины, которые через несколько лет развелись в эмиграции.

В чём же всё-таки загадка и дух Алушты?

Это летящие в ночном небе над старым городом чайки, их беззвучный крик, который растворяется в ночном ветре и шуме моря. Этот дух Алушты и передал О. Мандельштам в августе 1917 года.

ВИНОГРАД

Золотистого мёда струя из бутылки текла

Так тягуче и долго, что молвить хозяйка успела:

— Здесь, в печальной Тавриде, куда нас судьба занесла,
Мы совсем не скучаем, — и через плечо поглядела.

Всюду Бахуса службы, как будто на свете одни

Сторожа и собаки, — идешь, никого не заметишь.

Как тяжёлые бочки, спокойные катятся дни.
Далеко в шалаше голоса — не поймёшь, не ответишь.

После чаю мы вышли в огромный коричневый сад,
Как ресницы на окнах опущены тёмные шторы.
Мимо белых колонн мы пошли посмотреть виноград,
Где воздушным стеклом обливаются сонные горы.

Я сказал: виноград, как старинная битва, живёт,
Где курчавые всадники бьются в кудрявом порядке;
В каменистой Тавриде наука Эллады — и вот
Золотых десятин благородные, ржавые грядки.

Ну, а в комнате белой, как прялка, стоит тишина,
Пахнет уксусом, краской и свежим вином из подвала.
Помнишь, в греческом доме: любимая всеми жена, —
Не Елена — другая, — как долго она вышивала?

Золотое руно, где же ты, золотое руно?
Всю дорогу шумели морские тяжёлые волны,
И, покинув корабль, натрудивший в морях полотно,
Одиссей возвратился, пространством и временем
полный.

11 августа 1917, Алушта

Божественный язык поэзии в стихотворении «Виноград», как и в музыке, представляет собой иногда замкнутую, а иногда свободную систему образов, согласованных с реальным пространством. Так, в этом стихотворении автор представляет сады Алушты в августе 1917 года, где он находился в гостях у четы Судейкиных, которые снимали дачу А.В. Давыдовой под горой Кастель.

Дом был разрушен во время землетрясения 1927 года, но сохранилась булыжная мостовая, ведущая к отсутствующему дому.

Анализируя заключительные строки из стихотворения, автор показывает, что эта поэтическая предтеча, способная выйти за пределы собственного прозрения и дать нам доступ к тому, от чего остался только пепел, на котором сидел Одиссей у очага царя Алкиноя, как

просящий защиты— к предельному опыту никем не засвидетельствованного страдания и смерти в лагере в Сучане.

Сейчас нет ни старой Алушты, сплошь покрытой виноградниками, ни старого дома, ни самой хозяйки Веры Судейкиной, ни Мандельштама, а есть стихотворение, запечатлевшее тот мир, который давно исчез.